

И. П. ЕРЕМИН

Поэтический стиль Симеона Полоцкого

1

Оба сборника стихотворений Симеона Полоцкого — „Вертоград многоцветный“ и „Рифмологион“, если рассматривать их с точки зрения их поэтического содержания, производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке („художественнѣ и по благочинию“) самые разнообразныя вещи, часто редкiе и очень древнiе („вещь“, „вещи“ — так нередко и сам Симеон называл свои стихотворения; см. его предисловiя к „Вертограду“ и „Рифмологиону“); именно они лежат на самой поверхности его обширнаго поэтическаго наследiя и прежде всего обращают на себя вниманiе. Этот безпримѣрный — в русской поэзи — стихотворный музей Симеона Полоцкого так велик и экспонаты его так многообразны, что нельзя не пожалеть об отсутствii путеводителя по нему, каталога. Такого каталога нет, к сожалению; как известно, и „Вертоград многоцветный“ и „Рифмологион“ до сих пор не только не изданы, но не имеют даже своего краткаго библиографическаго описанiя (первый сборник ниже цитирую по экземпляру Библиотеки Академии Наук СССР 31. 7.3.; второй — по экземпляру Московскаго Государственнаго историческаго музея, Синод. собр. № 287).

Между тем именно тут выставлено для обозрения все основное, что успел Симеон, библиофил и начетчик, любитель разных „раритетов“ и „курьезов“, собрать в теченiе своей жизни у себя в памяти: цела коллекцiя драгоценных камней — „сапфиръ камень“, который имели обычай носить египетскiе жрецы (В., л. 33), „амефистъ камень“ (В., л. 496 об.), не тонущий в воде „камень фирреось“ (В., л. 464 об.) и пр.; не менее драгоценная по подбору экземпляров коллекцiя редких животных и птиц: „слонъ“ (В., л. 283 об.), „птица финиксъ“ (В., л. 333 об.), „птица неясътъ“ (В., л. 334), „левъ“ (В., л. 104), „райская птица“ с ярким разноцветным опереньем (В., л. 135 об. — л. 136 об.), плачущий „крокодилъ“ (В., л. 247 об.), „пификъ“, ласкою убивающii своих

детенышей (В., л. 252 об.), „хамелеонъ“ (В., л. 252 об.), птица „струфионъ“, имеющая крылья, но не могущая летать (В., л. 254), „заяць морской“ (В., л. 223), „василискъ“, свистанием своим убивающий птиц (В., л. 229 об.), „скорпиѣ“, рождающий одиннадцать чад, из числа которых он только одного оставляет себе, а остальных съедает (В., л. 431 об.), и пр.; есть вращающееся колесо — символ бренности всего существующего (В., л. 388 об.) и магнитная стрелка (В., л. 270); медное кольцо с бесценным „адамантом“ (В., л. 143 об.) и песочные часы (В., л. 317); полное облачение царское: саккос из парчи, бармы, усыпанный драгоценными камнями венец, скипетр и держава (Р., л. 573 об. — л. 574); панорама звездного неба с солнцем посередине в окружении планет и „круга животных“ — зодиака (см. „Орел Российский“); есть тут вещи и совсем редкие: престол царя Соломона из золота и слоновой кости (Р., л. 579 об.), чудесный египетский столп, поющий на заре (Р., л. 534 об.), „жезль Аароновъ“ (В., л. 156 об.), „голубица Ноева“ (В., л. 100 об.), „челюсть осла мертваго“, которую Самсон побил филистимлян (В., л. 31), и многое другое. Сюда же к числу экспонатов этой поэтической кунсткамеры Симеона Полоцкого относятся и читающиеся в составе преимущественно „Вертограда“ многочисленные стихотворные анекдоты и повести: о благодарном льве („Левъ“), о женщине, которая родила поросят („Казнь хулы“), о невинно оклеветанной царице („Клевета“), о богородице, принявшей младенца у одной монахини, согрешившей, но раскаявшейся („Блудъ со сродником“), о человеке, на сердце у которого, когда его после смерти вскрыли, нашли изображение распятия („Распятие в сердце“), о гордом монахе, которого прельстил демон в образе блудницы („Гордость“), о каре, постигшей одного грешника: на него вскочила жаба и прилипла к его телу („Казнь сыну за отца“); об одном паломнике, которого ангел в образе всадника в течение нескольких часов чудесно доставил из Иерусалима домой („Литургия“); о человеке, который выколол око на иконе богородицы и за это был наказан тем же („Око избоденно образу“), о Семирамиде, которая обманом воцарилась и обезглавила царя („Жена“), о Марке Курции, для спасения города бросившемся в пропасть, о Кодре, царе Афинском (см. „Орел Российский“, и пр.¹

Так называемые „книжицы“ Симеона Полоцкого свидетельствуют, что этот его стихотворный парад вещей иногда принимал форму настоящего зрелища — зрелища в буквальном смысле этого слова: стихи можно было не только читать, но и рассматривать, как рассматривают здание или картину. „Книжиц“ этих у него пять (три „привѣтственные“ и две траурные): „Благоприветствование“ царю Алексею Михайловичу „о ново богом дарованном сынѣ государѣ нашем царевичѣ и великом князѣ

¹ Ср. А. И. Белецкий. Повествовательный элемент в „Вертограде“ Симеона Полоцкого. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 329—333.

Симеонъ Алексеевичъ“ (1665), „Орел Российский“ (1667), „Френы, или Плачи всѣх санов и чинов православно Российскаго царства“ о смерти царицы Марии Ильиничны (1659), „Глас похвальный ко господу богу“ царя Алексея Михайловича (1676), „Гусли доброголасная“ (1676). Каждая из них в свое время была Симеоном лично „вручена“ царю в специально изготовленном для него экземпляре. В 1678 г. Симеон включил их в состав своего „Рифмологиона“, куда, как известно, вошли и все другие его произведения, „в благодарствие, похвалу и привѣтъ“ написанные. И „Рифмологион“ (до нас дошел только черновой экземпляр этого сборника), в составе которого „книжицы“ заняли центральное место, и в особенности дошедший до нас подносный экземпляр „Орла Российскаго“ (см. рукопись Библиотеки АН СССР 16. 5. 7) раскрывают секрет этого зрелищного эффекта: в помощь к слову Симеон привлекал живопись, графику и даже отдельные архитектурные мотивы, следуя в данном случае, быть может, примеру своих современников-живописцев и зодчих, охотно во второй половине XVII в. экспериментировавших в том же направлении, с той, разумеется, только разницей, что они внедряли литературу в свои композиции.¹ Живопись и графика помогли Симеону придать его стихотворным экспонатам там, где он находил это нужным, недостающую им живописную наглядность; архитектура помогла наиболее эффектно расставить эти экспонаты.

Уже первая по времени „книжица“ приветственная Симеона Полоцкого — царю Алексею по случаю рождения царевича Симеона — характеризуется ясно выраженным стремлением к этому „синтезу“ всех искусств в рамках одного, в данном случае литературного произведения. Начинается она с пространной оды в честь царя Алексея. За одой следует: контурное, во весь лист, изображение креста красного цвета со вписанными в него стихами (л. 430 об.). Крест — дар новорожденному царевичу от автора, о чем и сообщается в следующем стихотворении, заканчивающемся „многолетием“ царевичу в форме так называемого „лабиринта“. Далее — изображение двух звезд красного цвета (одна вписана в другую), контуры которых составляют стихи, и стихотворное пояснение этого изображения (лл. 432-432 об.). Далее — „Беседа со планеты“ (наименования отдельных планет, равно как и заглавие „Беседы“ — яркокрасного цвета): Луна, Меркурий, Венера, Солнце золотосветное, Марс, Юпитер, Сатурн сообщают поочередно автору — что несут они в дар царевичу. Далее — „Апостроф ко преподобному“, в честь которого назван царевич (заглавие — красного цвета), с просьбой взять под свое покровительство царя Алексея и все его семейство. Заканчивается „книжица“ многолетием царю — опять в форме „лабиринта“, на этот раз со стихотворным ключом к нему („Начало в кентрѣ,

¹ Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. „Искусство“, М.—Л., 1941, стр. 130—131.

чтется во вся страны...“). Перед нами, как видим, целое словесно-архитектурное сооружение с двуцветной окраской и многочисленными графическими инкрустациями.

Еще в большей степени тот же характер сложного словесно-архитектурного сооружения — словесного зрелища — носит и следующая по времени аналогичная композиция Симеона Полоцкого — „Орел Российский“, замечательная своими живописными изображениями в экземпляре, поднесенном царю Алексею Михайловичу и сыну его Алексею 1 сентября 1657 г. В центре этой композиции великолепная живописная панорама звездного неба с солнцем посередине; солнце испускает сорок восемь лучей; в каждый луч вписана одна из присущих царю Алексею добродетелей: „правдолюбие“, „правосудство“, „щедродаяние“, „словопостоянство“, „добронравие“, „увѣтливость“ и пр.; на фоне солнца — затемняющий его венценосный двуглавый орел со скипетром и державою в когтях; солнце движется по „кругу животных“ — зодиаку, знаки которого — раскрашенные иллюстрации к тексту. Поддерживает эту панораму „Елогион“ (ода в честь царя Алексея) — стройная колонна, в свою очередь опирающаяся — в начале „книжицы“ — на массивный „Енкомион“ в прозе.¹

Эффектной симметричностью своих словесно-архитектурных ансамблей обращают на себя внимание также обе траурные „книжицы“ Симеона Полоцкого. Первой из них предшествуют: арка заглавия, пышная как катафалк („Френы, или Плачи всѣх санов и чинов православно Российскаго царства о смерти благозѣрных и христолюбивых государыни царицы и великия княгини Марии Иличны...“), и речь автора в прозе к царю Алексею Михайловичу. Затем следуют: „плачи“ с одной стороны, с другой — „утѣшения“ Веры, Надежды, Любви, Благоговенства, Мудрости, Воздержания, Мира, Заступления, Страннолюбия, Милостыни, всех Добродетелей и, в заключение, Церкви Торжествующей. „Плачи“ и „утѣшения“ — их двенадцать пар — движутся параллельными рядами (заглавия первых окрашены в черный цвет; вторых — в красный) и производят впечатление двусторонней колоннады; упирается она в монолог покойной царицы: „от гроба к оставшим“. Монолог этот завершается „вечной памятью“ царице в форме „лабиринта“. За монологом — две легкие пристройки к нему: „Епитафион, или Надгробие“ царице Марии и „Епитафион“ царевне Евдокии. За ними — новый словесно-архитектурный ансамбль: „Емлимата и их толкования, стихами красогласными равномернѣ сложенная“, как характеризуется он в заглавии; запроектирован был он с живописными иллюстрациями: каждая из девяти эмблем должна была найти — и в подносном экземпляре, несомненно, нашла — свое живописное воплощение; в дошедшем до нас черновом экземпляре

¹ Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. Памятники древней письменности, СХХХІІІ, 1915. (В дальнейшем цитируется сокращенно: Орел Российский).

„Рифмологиона“ эти изображения отсутствуют; для них оставлено место, — читаются только „девизы“ (л. 511 об. — л. 515). Завершает всю композицию „желание стихотворца“ — графема: квадрат, в который симметрично вписаны еще четыре таких же квадрата; в каждом квадрате — посвящения, а по бокам, в промежутках, буквы, сочетание которых в разных комбинациях составляет „многа лѣта“ царю, царевичам, царевнам, „всѣм православным христианом“ (л. 515 об.).

Вторая траурная „книжица“ Симеона — „Глас последний“ царя Алексея Михайловича, — как и первая, открывается пышным, во весь лист, заглавием, эпиграфами и предисловием, в прозе, „благочестивѣйшему, тишайшему, пресвѣтлѣйшему“ Федору Алексеевичу. Далее — „Глас послѣдний“ царя Алексея „ко господу богу“ и его же „Глас послѣдний“ царевичу Федору — два стихотворных монолога, наподобие столпов, поддерживающих центральный словесно-архитектурный ансамбль всей композиции: „Завет“ царя Алексея. „Завѣт“ этот — заглавие его ярко выделяется (киноварь) на фоне остального текста — состоит из восьмидесяти „вѣлнй“ царя Алексея, от шести до двадцати стихов каждое. За ним — „Отвѣт“ Федора и новая двусторонняя колоннада стихов: царь Алексей поочередно обращается с „гласом послѣдним“ к патриарху Иоакиму, царице Наталье, царевичам, царевнам, князьям, боярам и пр.; те, тоже поочередно, выступают с „ответом“. К этому диалогу покойного царя Алексея с его родными и подданными, напоминающему известную элегию Проперция в честь Корнелии, примыкает второй массивный словесно-архитектурный ансамбль: двенадцать чередующихся один за другим „плачей“ с небольшим преддверием в прозе и стихах (л. 543 об. — л. 544). Заканчивается композиция особым „Заключением“ в стихах и уже традиционным для Симеона „лабиринтом“: „вечной памятью“ покойному царю.

Большой парадностью характеризуется и последняя по времени приветственная „книжица“ Симеона — „Гусль доброгласная“, врученная царю Федору Алексеевичу 18 июня 1676 г. в день венчания его на царство. Построением своим она несколько напоминает предшествующую „книжицу“, написанную пятью месяцами ранее: как и там, здесь в центре композиции два основных словесно-архитектурных ансамбля в обрамлении сооружений более мелкого масштаба, преимущественно декоративного назначения. Первый такой ансамбль в данной „книжице“ составляют „желания благая“ (заглавие — красного цвета): высказывают их царю Федору, в стихах, поочередно, патриарх, царица-мать, царевичи, царевны, князья, бояре и пр. Преддверием к нему служат эпиграфы, приветствие в прозе царю и контурное изображение креста со вписанными в него стихами (л. 562 об.); завершением — „лабиринт“ („царствуй многа лѣта“) с небольшим стихотворным посвящением Федору. Второй ансамбль составляет цикл из двадцати четырех „привѣтств“ неодинаковой фактуры; „привѣтства“ 4-е, 5-е, 10—19-е, 23-е составлены „сапфическими“ строфами, несколько нарушающими графи-

ческую монотонию этой композиции. Предшествует ему особое „Предпривѣтствие“; завершает — „Колофон“ („окончение“).

Живописные и графические инкрустации „книжиц“ Симеона Полоцкого составляют неотъемлемую часть этих „книжиц“ и органически связаны с ними: одни носят чисто декоративный характер и выполняют служебную функцию — орнаментального украшения; другие составляют часть экспозиции и, следовательно, образуют самостоятельный компонент экспозиции, равноправный в ряду ее остальных, словесных компонентов. К первой группе графических и живописных инкрустаций — исполнение их Симеон, конечно, поручал помощникам-специалистам — относятся все так называемые „лабиринты“ и остальные графемы того же типа; в большинстве случаев они завершают у него какой-либо цикл (ансамбль) стихотворений и служат своеобразной словесно-графической вignetкой в финале этого цикла; сюда же должны быть отнесены и некоторые заглавные арки, выделенные особым шрифтом, перевитые растительным орнаментом, например, в подносном экземпляре „Орла Российскаго“; сюда же могут быть отнесены и два „афиеросиса“ (ἀφιέρωσις — посвящение) — две стихотворные криптограммы в том же „Орле Российском“, привлекающие внимание причудливой графикой своих стихов, рассчитанной, несомненно, на зрительный эффект. Образцом инкрустаций второго типа может служить панорама небесных светил в „Орле Российском“, составляющая в сущности основное содержание всей композиции. Значение вполне самостоятельных единиц в системе целого имеют также: изображения креста и звезд в „Благопривѣтствовании“ Симеона Полоцкого царю Алексею по случаю рождения царевича Симеона, сердца — в „Орле Российском“, эмблем — во „Френах“, изображение креста — в „Гусли dobroгласной“.

2

Обращает на себя внимание одна характерная особенность этой стихотворной и нестихотворной кунсткамеры Симеона Полоцкого: он отбирал для нее вещи преимущественно редкие, вещи-феномены, вещи, которых никто никогда не видел, „курьезы“. Чем причудливее, чем химернее вещь, тем больший интерес она обычно для него представляла, тем охотнее выдвигал он ее на первый план.

Тенденция эта рассматривать на одной плоскости возможное и невозможное для Симеона Полоцкого не случайна: он никогда не дорожил правдоподобием созданного им мира вещей. Истина для него лежит за пределами этого мира. Вещь сама по себе — ничто. Вещь — только форма, в которой человек созерцает истину, только „знак“, „гиероглифик“ истины.

Этот „гиероглифик“ можно и должно прочесть. Вещи могут и должны заговорить, и Симеон Полоцкий, чтобы заставить их говорить, систематически, от стиха к стиху, переводил их с языка конкретных образов

на язык понятий и логических абстракций, т. е. систематически, без сожаления, разрушал им же созданный мир, вещь за вещью.

Хамелеонту вражда естеством всадися
 къ животнымъ, их же жало яда исполнися.
 Видя убо онъ змяя, на древо вехождаетъ
 и изъ усть нить на него нѣкую пушаетъ;
 Въ ея же концѣ капля, что бисерь, сияеть,
 юже онъ ногою на змяя управляетъ.
 Та повнегда вмиевѣй главѣ прикоснется,
 абие ядоносный умерщвлен прострется.
 Подобно дѣйство имать молитва святая,
 на змяя ветха изъ усть нашихъ пущенная;
 Въ ней же имя „Иисусъ“, якъ бисерь, сияеть,
 демона лукаваго в силѣ умерщвляет.
 Трепещуть сего бѣси, отсюду гонзають,
 чрезъ то заклинаеми гдѣ либо бывають.

Стихотворение это, читающееся в „Вертограде“ (лл. 297 об.—298), — типичный образец его, Симеона, поэтического мышления, его отношения к им же созданному миру вещей. От „гиероглифика“, от образа к „логической“ интерпретации этого образа — таково нормальное для Симеона движение его поэтической темы. Почти все стихотворения Симеона, независимо от их объема, построены по такой схеме; с редким постоянством ее воспроизводят и коротенькие двустишия, нередко встречающиеся в его „Вертограде“, и обширные „поэмы“:

Яко цвѣтъ селный скоро оцвѣтаеть,
 такъ человекъ вѣкъ свой преживает.
 (В., л. 90)

Колесо скрипящее путнику стужаетъ,
 человекъ же ропотный богу досаждаеть.
 (В., л. 423)

Левъ ввѣря низу падша никогда терзаеть,
 грѣшника смирившася богъ не погубляетъ.
 (В., л. 457)

Не сила капли камень пробиваетъ,
 но яко часто на того падаеть.
 Тако читай часто научится,
 аще и не остръ умомъ си родится.
 (В., л. 536 об.)

Комаръ в нощи ко свѣщѣ горячей лѣтаеть,
 яко любовь к свѣтлости в себѣ соблюдаеть;
 Но елма ко огневи излише сближатся,
 безумнымъ неопаствомъ впад во огонь спалится.

Точнѣ оплавивши людие творяють,
 в свѣтъ вѣжества о бозѣ любовь простиряють;
 Но елма продерзливо тѣатся испытати,
 обыкоша в грѣхъ нѣкий, яко в огонь, впадати.

И тако сами себѣ убийцы бывають,
 яко выше силъ своихъ о бозѣ дерзають.
 (В., л. 574)

Переосмысляя образ, Симеон очень часто разбирал его по частям, дробил на составные элементы, — ибо вещи многозначны. Значение „гиероглифика“, подлежащего дешифровке, нередко под пером Симеона приобретала не только вещь в целом, но и все ее свойства, ее качества, взятые в отдельности; например, радуга в одном из стихотворений того же „Вертограда“ (лл. 131—131 об.) не только радуга в целом, но и ее „атрибуты“ — внешняя форма („два рога“), ее спектральные цвета здесь получили у Симеона, в переводе на язык его поэтической метафизики, новое, иносказательное значение.

По всемирномъ потоцѣ дуга положися
 На облацѣхъ во знамя, яко богъ смирися
 Съ чловѣческимъ родомъ: ни имать казнити
 к тому толь лють, аще и будетъ грѣшити.
 Та дуга во обрави Христа воплощенна,
 въ знамя мира со богомъ въ мирѣ положенна:
 Ибо яко же дуга въ облацѣхъ родится,
 егда на не сияние солнца изводится,
 Тако есть сияние славы божественны
 Христось, въ чловѣчестей плоти проявленны.
 И яко дуга въ себѣ два содержитъ рога,
 подобнѣ два естества суть у Христа бога.
 Въ дузѣхъ три суть цвѣти: багряный, зеленый,
 третій имъ примѣсяся видомъ си червленый.
 Въ Христе три суть образы житія святаго,
 земнаго, небеснаго и болѣзненнаго.
 Небесно веселое значитъ въ зеленомъ,
 болѣзненное паки во цвѣтѣ червленомъ;
 Иже по чловѣку земное въ багряномъ,
 проявленное въ ползу вѣрнымъ христианомъ.

Стихотворение это и ему подобные сближают поэзию Симеона с его „Объдом Душевым“ и „Вечерей Душевной“ — с сборниками его проповедей, где подобные богословско-схоластические „подобенства“ занимают большое место и составляют основное содержание едва ли не каждого его „казаня“.

Всегда, как правило, исходя от образа, Симеон обычно большое внимание уделял его поэтическому описанию: вещь под его пером нередко перерастала в целую законченную „картинку“, не лишенную подчас выразительности и драматического движения. Таково, например, описание кораблекрушения в стихотворении „Пособие“ того же сборника (л. 381):

Корабелници, егда преплывають
 пучину моря, аще усмотряють
 Инныя в бѣдствѣ тошения быти,
 всячески тщатся онымъ пособити.
 Прибытковъ своихъ тогда не смотряють,
 удержать корабль, парусъ низпускають;

Верви подають, да бы ся имати
 тонуцьымъ за ня, а не погибати;
 Дски и дрєвеса разлїчна вергають,
 елико могуць, помощь сотворяють...

Или, там же, портрет промывающего рану врача — в начале стихотворения „Врачь“ (лл. 86 об. — 87):

Врачи ови наипаче блажими бывають,
 иже не чрезъ рабы си больныхъ посѣщають,
 Но сами приходяще, касаются дѣлу
 и пособие дѣють уязвленну тѣлу.
 Низложше с плещу паллий, ленте приемлют,
 тѣмъ препоясавшесе, от раны отемають
 Платенца, и своими персты ощущають
 раны, и в нихъ смердящий отокъ очищають,
 Не гнушающеся тѣмъ, но вся тощю дѣють,
 яже хитростию си во ползу умѣють...

В свете такого рода развернутых описаний становится понятным наличие и в том и в другом сборнике целых стихотворных „повѣстей“, по терминологии самого Симеона; каждая „повѣсть“ выполняет у него ту же поэтическую функцию, что и единичный образ: как правило, она тоже — только формообразующий стихотворение материал, только „вещественная“ опора поэтической темы. Разница между единичным образом и „повѣстью“ у Симеона — чисто количественная: „повесть“ — система единичных образов, связанных между собою фабульным единством, подлежащая переводу на язык понятий и логических абстракций, как и всякий иной образ, всякая иная вещь. Повествовательный элемент и „Вертограда“ и „Рифмологиона“ Симеона Полоцкого (он налицо и в этом последнем сборнике, правда, в меньшей пропорции) — элемент, органически свойственный этим сборникам, предопределенный самой природой его, Симеона, поэтического мышления. В типологическом родстве „повѣстей“ Симеона с вышеприведенными стихотворениями легко убедиться на примере любого „фабульного“ его стихотворения, — допустим, такого, читающегося в „Вертограде“ под заглавием „Труба“ (лл. 498 об. — 499):

Трубитель нѣкий рыбы ловити хотяше,
 и пришедь на брегъ рѣки, надолзь трубяше,
 Призывая ко себѣ. Но ты не идяху,
 токмо во быстрой водѣ с собою играху.
 Онъ же, восприемъ мрежу, нача я ловити
 и, заемъ множество ихъ, на брегъ извлачити.
 Рыбы же, елма из водѣ извлеченны бяху,
 по обычаю пред нимъ от нужды скакаху.
 Онъ рече: „Престаните прочее скакати,
 ибо азъ уже престахъ трубный глас даяти.

В не же время трубих вам, в то вы не скакасте,
 но елма яхъ мрежею, скакати начасте.
 Не скаканию время нынѣ вамъ дается,
 но во сладкое брашно всяка заколется".
 И нача по единой оны закалати
 и во пиру мертвыя свою полагати.
 Тако грядущий господь во послѣднемъ часѣ
 во грубѣ божественнѣй, в архаггелстем гласѣ
 Над моремъ мира сего трубить нынѣ выну
 усты проповѣдниковъ чловѣчю сыну
 Всякому, да приходитъ из пучины к нему,
 яко ко истинному госпуду своему,
 Да из глубины греховъ къ нему претекаетъ
 и от адскихъ челюстей тако ся спасаетъ.
 Аще убо кто гласа не послушавъ сего,
 играя в безднѣ грѣховъ, бѣгаетъ от него,
 Мрежею смерти иматъ уловенный быти,
 ею же никому же подобно избѣгати.
 Избѣгати же на брегъ суда иматъ не скакати,
 но от страха и бѣды лють трепетати.
 Наконецъ закланъ будетъ ножемъ казни вѣчны
 и вовержется во адъ в муки безконечны.
 Тамо огнемъ сжарится и сварится зѣло,
 будетъ в нищу демономъ и душа и тѣло.
 Оле казни лютыя! Тоя вси гонзайте,
 на гласъ проповѣдниковъ къ богу притекайте
 Бѣжите грѣховъ бездны, ко спасу тедите,
 донелѣ же есть время бѣгствомъ ся спасите.
 Не ожидайте мрежи смерти, ибо тако
 заятый поневоли, не спасется всяко.

Схема, как видим, та же. Стихотворение делится на две части: образ и его „логическую“ интерпретацию. В результате обычная для Симеона метаморфоза: „курьезный“ анекдот стал прообразом последнего страшного суда; фабульная канва распалась на полные трагического пафоса логизированные метафоры („море мира“, „мрежа смерти“, „брегъ суда“, „нож казни вѣчны“, „грѣховъ бездна“ и пр.).

Очень редко, но встречаются у Симеона Полоцкого стихотворения, внешне отступающие от этой нормальной для него схемы: образ налицо, а иносказания нет, нет двойного плана, нет традиционного для него соотношения между образом и поэтической темой. Стихотворение „День и ночь“ в „Вертограде“ — типичный пример такого внешне „чистого“, себе довлеющего образа (л. 123):

1. Денница

Темную ночь денница свѣтла разсыпаетъ,
 краснымъ сияниемъ си день в миръ впроваждаетъ.
 Нудить люди ко дѣлу; овъ въ водахъ глубокихъ
 рибствуетъ, овъ въ пустыняхъ лов дѣетъ широкахъ,
 Иный что ино творить. Спяй же на день много
 бѣднѣ, раздраноривно поживетъ убого.

2. Полудень

Оже средѣ небесе солнце бѣгъ свой дѣветъ,
 палитъ нивы, а скоты лучми зѣло грѣветъ,
 Иже въ сѣни при водахъ от трудовъ кладятся, —
 жнеци пищею и сномъ по трудѣхъ крѣпятыя.
 Такъ естество отчески строить еже быти:
 законъ всѣмъ пишеть вѣщемъ нужднѣи сохранити.

3. Вечерь

Якъ зоря день вѣщаеть, такъ нощь вечеръ вводитъ;
 въ хлѣвину си скоть идетъ; орачъ в домъ входитъ;
 Рало оставивъ, хлѣбомъ стомахъ укрѣпляетъ,
 утружденныя силы пищи обновляетъ;
 Таже сномъ сладкимъ плоть си покоитъ стружденну, —
 сонъ бо богомъ дадеся въ покой труду дневну.

4. Нощь

Нощь мрачная тму страшну на землю наводитъ;
 извѣты часто, злобы и поводы родить
 Въ готовыхъ на вся злая, что злыи умъ вмѣщаетъ.
 Обаче своя игры, утѣхи нощь знаетъ:
 Временемъ есть полезна, но мудръ сый блюдется
 тмы нощныя — день любить, да в ней не преткнется.

Себе довлеющая образность этой не лишенной настроения сельской идиллии Симеона Полоцкого — мнимая; в действительности перед нами такое же дидактическое иносказание, как и многие другие его стихотворения в „Вертограде“; разница только в том, что здесь эта дидактическая тема, навязанная образу, осмысляющая образ, дана не прямо, а косвенно — в форме подтекста, только временами, в финале каждого шестистишия, всплывающего на поверхность изложения („Спай же на день много бѣдяъ, раздраноризно поживеть убого“, „мудръ сый блюдется тмы нощныя — день любить, да в ней не преткнется“).

Образ сам по себе, в своей осязаемой конкретности, никогда не привлекал творческого внимания Симеона; он приобретал для него эстетическую ценность только тогда, когда обнаруживал возможность переосмысления. Свой мир вещей Симеон созидал только для того, чтобы его разрушить, — затем, тут же, воссоздать, но воссоздать уже на новой, логизированной основе. И вещь, и каждая ее составная часть, взятая отдельно, обычно рождала под пером Симеона свой новый, „логический“ эквивалент, переключалась в новый ряд. В установлении этого нового ряда, отвлеченного от ряда конкретных вещей, от образов путем их последовательного иносказательного переосмысления — весь пафос поэзии Симеона Полоцкого.

В подавляющем большинстве случаев вещь отягчалась у Симеона новым значением насильственно, — насильственно потому, что переводит

лась им из одного плана в другой, иносказательный, аллегорический, как правило, при помощи аналогии, основанной на сходстве не основных, а второстепенных, случайных признаков. Отсюда: в процессе своего вторичного рождения вещи у него нередко перевоплощались самым неожиданным и химерным образом; радуга перевоплощалась в богородицу, зеркало становилось прообразом Христа, молния стала обозначать богатство, ласточка — друга, рыба — душу человеческую, свеча — веру, овца — церковь, лев мог стать прообразом бога, орел — Христа, червь — ереси, сокол — грешника и т. п. Характерный пример такого рода сближений — стихотворение „Судь“ в „Вертограде“, где Симеон предлагает читателю подражать... собаке и овце (л. 485):

Песь утруженный, егда хочеть спати,
 обыче прежде сам ся обращати,
 Нежели ляжеть. Егда осмотрится
 окресть на мѣстѣ, тогда положится.
 Онъ по естеству нам же подобаеть,
 да кождо во нравъ то себѣ взимаеть:
 Еже на ложе спати отходящу,
 быти окресть ся прилѣжно смотрящу,
 Еже есть весь день умомъ разсудити,
 не случилися в онъ что согрѣшити.
 И аще кая злоба усмотрится,
 абие овцы да уподобится.
 Овца бо, егда придетъ время спати,
 нравъ на колѣна имать припадати.
 Овчестуй кождо, — прежде преклонися
 на колѣна ти: сердцемъ сокрушися
 О твоихъ грѣсѣхъ, таже положися,
 божией стражи говѣнно вѣручися.
 Полезно к тому ложе измывати,
 Давыдски слезми постель омочати.
 Ибо кто сице въ вечеръ умилится,
 въ утрий день свѣтло той возвеселится.

Это закономерное для Симеона совмещение несовместимого на одной плоскости, эта всегда занимавшая его игра отдаленными аналогиями, бросают свет и еще на одну характерную особенность его поэтического творчества: бесконечное вращение по одному и тому же кругу. Возможность сближать между собою самые разнообразные и часто несовместимые явления позволяла Симеону без особого труда варьировать одну и ту же тему десятки и сотни раз, — ибо и зеркало, и лев, и птица Феникс, и море, и сосуд, и камень, и виноградная лоза могли обозначать у него одно и то же (Христа); солнце могло обозначать и Христа, и царя Алексея Михайловича, и царевича Алексея, и царя Федора Алексеевича; овца могла обозначать и церковь, и человека, и даже богородицу; столп, свеча, звезда могли обозначать и веру, и раскаявшегося грешника, и еще многое иное. Та же возможность позволяла

Симеону любое стихотворение оборвать и на десятом, и на сто десятом стихе, — ибо он всегда мог, закончив вращение — от образа к его иносказанию — по одному кругу, возобновить его снова по другому. Графомания, свойственная Симеону (впрочем, и не только ему в эту эпоху), — такое же проявление его поэтического стиля, как и все его химерные уподобления, его вычурные аллегии.

Художественная природа этого стиля не вызывает сомнения; это — „барокко“, в том его варианте, носителями которого на Украине и в Белоруссии во второй половине XVII в. были школьные поэты-силлабики, а на Западе в XVII в. — преимущественно неолатинские поэты (Я. Бальде, К. Сарбевский и др.).

3

Порожденная волной феодальной реакции и контрреформации, возникшая в ожесточенной полемике с традициями Ренессанса, поэзия „барокко“, однако, никогда не порывала связи с внешней стороной поэтической культуры Ренессанса, — даже при самых крутых своих поворотах назад, к дидактическому аллегоризму средневековой католической поэзии; об этой связи в особенности наглядно свидетельствуют многочисленные у поэтов „барокко“ реминисценции из античного мира — античной мифологии и поэзии.

Реминисценции эти налицо и у Симеона Полоцкого; они встречаются у него и в том и в другом сборнике. В „Орль Российском“, например, упоминаются едва ли не все канонизованные поэзией Ренессанса античные боги и герои: Аполлон, Афина, Диана, Вулкан, Дий (Зевс), Беллона, Эол („Еоль“), Нептун, Арей, Феб („Фоеб“, „Фоев“, „Фоиф“), Геркулес, Эней и др.; античные поэты, ораторы, философы: Гомер („Омир“), Эврипид („Еврипп“), Вергилий, Овидий, Демосфен, Цицерон, Аристотель и др.; в той или иной связи упоминаются: Геликон, Парнас, Пегас, музы („мусы“) и пр.; излагаются мифы: о двуглавом Янусе, о Касторе и Поллуксе.¹

Редко, но встречаются у Симеона даже стихи, где эти античные реминисценции носят характер прямого подражания античным образцам — совсем в манере поэтов Ренессанса:

Дий небовладный скипетръ ти посылаеть,
 о Алексие! Арей же вручаеть
 Черезь орла сего мечь обоестранный,
 хитримь Вулканом добръ укуванный...²
 Плыви в Россию по морской пучинѣ,
 Арион славный, хотя на дельфинѣ,

¹ Орел Российский, стр. XIV—XIX.

² Там же, стр. 37.

И Амфиона привледи з собою,
 да в струны бить свою рукою...¹
 Тамъ гдѣ Дианна бодрая з стрѣлами
 между сатырми гонить за звѣрами,
 Тамъ користь стрелцу...²

Изучение античного наследия в поэзии Симеона Полоцкого, однако, показывает, что эти и аналогичные им стихи — всего лишь случайные реликты чуждой ему поэтической системы. У Симеона Полоцкого, как и у его собратьев по стилю, нет и никогда не было непосредственного творческого интереса к античному миру; его восприятие античного наследия — типично „барочное“, во многом диаметрально противоположное Ренессансу, условное, далекое от понимания, от ощущения этого наследия, как некоей замкнутой в себе поэтической категории.

В подавляющем большинстве случаев, в том числе в „Орлѣ Российском“, античные боги и герои у Симеона — просто слова чисто номенклатурного назначения, слова-заменители, условно-поэтические обозначения того или иного понятия. В „Орлѣ Российском“ слово „огонь“, например, имеет у Симеона свой равнозначный условно-поэтический дубликат — „зари Вулкана“; замена эта менее всего вызвана стремлением Симеона обогатить стих какими-либо новыми, специально „античными“, семантическими ассоциациями: контекст свидетельствует,³ что перед нами простая поэтическая условность, — попытка придать рядовому слову „огонь“ несколько более „высокое“ звучание. В поэтическом словаре „Орла Российскаго“ такие „античные“ слова-дубликаты встречаются нередко: небо — „емпир“, „лоно Диево“ (стр. 14); солнце — „Фоиив златый“ (стр. 20), „Кинфий, в свѣтлу одежду свѣтло одѣяны“ (стр. 39), „златовласый Кинфий“ (стр. 41), „свѣтородный Фоиив“ (стр. 69), „свѣтлый Фаефон“ (стр. 75), „лоно Диево“ (стр. 30); геральдический орел Российский — „Диева птица“ (стр. 29); царевич Алексей — „Фоииве наш светлый“ (стр. 41), „Фоииве красный“ (стр. 41), „Фоииве наш презлатый“ (стр. 50), „Фоииве наш словесный“ (стр. 53) и т. п. И Дий (Зевс), и Феб здесь — условно-поэтические „клише“, никакого прямого отношения к античной мифологии не имеющие и рассчитанные, как и „зари Вулкана“, на „пиитическое“ парение. И только.

До какой степени безразлична была для Симеона античная природа его поэтического Олимпа, — красноречиво свидетельствуют и выступающие у него в том же „Орлѣ Российском“ Аполлон и музы (стр. 26—38); музы у него нередко забывают о своем происхождении и говорят вещи, в устах муз более чем странные, — допустим, муза „Клио“ (стр. 27):

¹ Орел Российский, стр. 39.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 50

... се зрите, роды, прилѣжно смотрите,
яко Россійскій Орель ся вселяеть
Вѣрою в солнце, в Христа облакает...

Или муза „Фаллиа“, цитирующая „Песнь песней“ царя Соломона (стр. 32—33):

Негли нѣкто почюдиться,
егда Орлу присмотрится, —
Вскую, иже убѣленный,
егда в Христа облеченный,
Той ся чернымъ проявляет; —
тѣмъ ся вѣрнымъ похваляет,
Съ невѣстою глаголь дая,
въ пѣснехъ пѣсней воспѣвая:
Азъ есмь черный, дщи Сиона...

Показателен для характеристики действительной природы его, Симеона, „классицизма“ и монолог Аполлона: обращаясь к музам, Аполлон выражает решительное сомнение в том, что музы смогут достойным образом воспеть царевича Алексея — новоявленное „солнце“ на „Российском небѣ“ (стр. 38—39):

Сама Афина едва здѣ довлѣть,
Толику славу Россна имѣть.
Омиръ преславный въ стихотворенни
не могъ бы пѣти о семъ явленни.
О Енеевыхъ Виргилию бранехъ,
Овидию же о Гетийскихъ странехъ
Метротворити, — а здѣ не довлѣють;
и риторове о семъ не умѣють
Рещи довольно; Демосфинъ нѣмствуеть,
Кикеронъ славный ему пособствуеть
Всуе Евриппу много почюдися
Аристотелесь и во всемъ трудися:
Здѣ чело ему мощно бы потити
и всепостижный умъ свой утрудити,
На славу зряще свѣта Алексия,
Царьскаго сына, иже Руси всея
Есть веселие...

Не трудно заметить, что весь этот длинный перечень античных авторов сюда введен отнюдь не для античного „колорита“: он понадобился Симеону только как опорный материал для столь обычной для него безудержной „поэтической“ гиперболы:

...нужда здѣ пѣвцовъ от небесна лика,
Еже вопѣти, како онъ сияеть,
како Россию свѣтомъ озаряеть
Славы своея...

Гомера, Вергилия, Демосфена, Цицерона здесь с успехом могли бы заменить другие прославленные поэты и ораторы, необязательно античные: ничего бы не изменилось, нужная гипербола воспарила бы к царевичу с меньшим подъемом.

Печатью типично „барочного“ восприятия античного наследия в еще большей степени отмечены те, довольно многочисленные, стихотворения Симеона Полоцкого, и в „Рифмологионе“ и в „Вертограде“, где античный сюжет — только повод для очередного иносказания.

Таково, например, читающееся в „Вертограде“ стихотворение „Богатство“, в основе которого образ бога Плутона (л. 56):

Еллинѡмъ богатствъ богъ бѣ, нареченный Плутонъ;
 азъ его именуу: во истинну плутъ онъ.
 Плуѡтаетъ бо излиха и зѣло вплетаетъ
 въ сѣти диаволския, яже уловяетъ.
 Хрома же писааху, егда въ домъ вхождаше,
 а крылата, — оттуду елма исхождаше;
 Знаменати хотяще косо стяжаніе
 богатствъ быти, скоро же тѣхъ изчезаніе.
 Яко зѣло медленно стяжанна бывають,
 а многажды въ единъ часъ въ концѣ изчезають.
 Аще же и послужать до кончины кому,
 но по смерти нужда есть лишити иному.

Античный бог здесь у Симеона — не только объект шуточного каламбура (Плутон — плут он), но и традиционной для Симеона развернутой аллегории (богатства) с характерным в духе христианской морали переосмыслением атрибутов Плутона, присвоенных ему античной мифологией.

Таково же и стихотворение — в том же „Вертограде“ — „Погребение“, героем которого является некто „Симонид рифмотворец“, очевидно, Симонид Кеосский (л. 370):

Симонидъ рифмотворецъ по мори плаваше;
 егда у пристанища нѣкоего сташе,
 Обрѣте тѣло наго, земли не отдано;
 возьмъ е, сотвори быти въ ямѣ закопано.
 Обноществовавъ тамо, видѣ погребенна
 челоуѣка собою во снѣ си явленна,
 Глаголюща то к себѣ: „Се тя увѣщаю,
 утро да не плывеши: милость ти воздаю“.
 Возбнувъ Симонидъ, начатъ сонъ той разсудати,
 вѣру поемъ, не хотѣ от брега отстати.
 Иний, смѣющеся, от брега отплыша
 и, возвѣявшей бури, потоплени быша.
 Видящу Симониду: тако возплатися
 соблюденіемъ милость, яже сотворися.
 Он же въ горницѣ нѣдѣй вечерю ядаше,
 от предстоящихъ людей сие слово взяше:

„Се у вратъ два юноша надолзѣ толцають,
 да изыдеши скоро, тебе призывають“.
 Онъ не вѣдый кто бяше, изшедь соглядаше
 и се ни единого мужа обрѣташе.
 А въ то время горница она повалися,
 и кто-либо в ней бяше до смерти убися.
 О чудо! Егда кого Вышний соблюдаетъ,
 не обычными средствами от смерти спасаетъ.

Последние два стиха этой стихотворной „повести“ Симеона обнажают ее художественную природу: перед нами типичный морально-дидактический „приклад“; „античного“ здесь ничего нет, — разве только имя героя. И тема стихотворения („Егда кого Вышний соблюдаетъ, не обычными средствами от смерти спасаетъ“), и самый жанр его (традиционный средневековый *exemplum*) — все исключало здесь античный „колорит“: стихотворение и без него вполне достигало своей цели.

„Богатство“ и „Погребение“ Симеона Полоцкого (стихотворений на античные сюжеты аналогичного типа у него немало, в особенности, в „Вертограде“) свидетельствуют, что античный мир представлял для Симеона преимущественно чисто утилитарную ценность в его поэтическом хозяйстве; для него это был тот — далеко не единственный, кстати сказать, — склад, откуда он по мере надобности черпал редкие и „курьезные“ экспонаты для своей поэтической кунсткамеры. Его восприятие античного наследия одинаково далеко и от Ренессанса и от классицизма.

4

В процессе своего исторического развития „барокко“ рано стало обнаруживать одну характерную тенденцию: форма стала вытеснять содержание. Произошло то, что обычно бывает, когда искусство принципиально отказывается от постановки проблем, так или иначе связанных с жизнью. Поэта стал занимать уже не столько „прообраз“, сколько сам процесс его проявления: аллегоризация вещей приобрела самодовлеющий эстетический интерес. Совмещение несовместимого из эстетического принципа стало вырождаться в простой прием, в формалистическую игру слов и понятий.

Так называемые *carmina curiosà* — одно из наиболее типичных порождений „барокко“ на данном этапе его истории: предметом формалистической игры стал сам стих; поэты стараются превзойти друг друга в изобретении трудных версификационных задач; замысловатыми и необычными становятся и сама структура стиха, и даже его графическая композиция.

Дань этой моде отдал и Симеон Полоцкий. В его поэтическом наследии налицо почти все основные типы таких стихов, таких „поэтицких штучок“ (говоря словами Иоанна Величковского, украинского поэта и теоретика поэзии конца XVII в.), — начиная с простейших и кончая самыми трудными.

Сюда относятся прежде всего стихи с рифмующимися полустипиями („леонинские“). В „Рифмологионе“ у Симеона читается цикл стихотворений, объединенных заглавием: „Стиси на воскресение Христово общи“ (лл. 245—287 об.); четыре стихотворения этого цикла написаны так:

Богъ всемогущий, небомъ владущий
днесь торжествует, миръ ликовствует,
Яко геена днесь побѣждена,
грѣхъ упразднися, смерть умертвися...

Так же написано и стихотворение „Тѣло красное“ — в „Вертограде“ (л. 502 об.):

Красное тѣло зрѣти весело;
егда растлится, мерзко явится.
Тое кто любить, душу си губить,
ибо то будить, да всякъ с ним блудит.
Не люби тѣла и будетъ цѣла
душа конечно, поживеть вѣчно
При жизни хлѣбѣ, со Христомъ в небѣ.
Душы любите, тѣло мертвите,
Да его страсти васъ во напасти
никогда вводить, но да отходить,
Ничто вредивше, цѣлы лишивше.

„Пѣснь, из полскаго диалекта преведенная на славенский, о прелести мира“ в „Рифмологионе“ — эффектный образец такого же стихотворения, но написанного в еще более усложненной форме (л. 423):

Есть прелесть в свѣтѣ, як в полномъ двѣтѣ, ту ты остави,
возлюбленная, душе грѣшная, от злоб воспряни.
Преходит время, а грѣховъ бремя тя угнѣтает,
демонъ же смѣлый на тебе в стрѣлы яд свой впускает...

Разновидностью стихов этого типа является так называемое „эхо“ — форма, получившая широкое распространение в современной Симеону латино-польской и украинской „барочной“ поэзии и, частично, даже в драматургии; строится „эхо“ (сagmen есhісum) обычно так: стих делится на части — чаще всего две; каждая часть в свою очередь делится на два связанных между собою парной рифмой отрезка: риторический вопрос и ответ на него („эхо“). Написанное таким образом стихотворение обычно представляет собою некое замкнутое целое; читается или отдельно или в составе какой-либо большой композиции — „книжицы“. В „Орль Російском“ Симеона стихотворение „Феафон и Ихо“ — типичный образец этого жанра:

Образъ божия славы азъ есмь, свѣтородный
Фоивъ. А ктожь ми есть с твари в свѣтлости подобны?

Кто видѣ или слыша? Молю, да ми повѣсть. *Есть.*
 Гдѣ? *Здѣ.* Какъ ему имя? Кто есть сий? *Алексий.*
 Кто саомъ есть имѣяй сицевый даръ? *Царь.*
 Самъ ли честенъ вамъ? *Самъ.* Токмо единъ? *И сынъ.*
 Имя како? *Еднако.* Равни оба два? *Два.*
 Рци ми, чимъ дрази? *Блави.* Рци, кому? *Всякому...*¹

В „Рифмологионе“ имеются у Симеона и еще два стихотворения аналогичного типа: „Диалогъ краткий“ (л. 375 об.) и „Диалогъ краткий о государѣ царевичѣ и великомъ князѣ Алексии Алексиевичѣ“ (л. 376 об.—377).

„Привѣтство“ Симеона царю Федору Алексеевичу, в том же „Рифмологионе“, — „о благословенномъ въ святое супружество поятии благовѣрныхъ царицы и великия княгини Агафии Симеоновны“ (л. 299 — 301) свидетельствует, что знаком был Симеону и стих — „многоприменительный“, по терминологии Иоанна Величковского; в „Привѣтствѣ“ имеются стихи, основанные на игре буквальным значением одних и тех же слов, — на „реализации“ буквального значения имен царя и его супруги (Феодор — „божий дар“, Агафия — „благая“):

Богъ убо благий, благо хотя сотворити,
 изволилъ ти всечестну супругу дарствити,
 Ту же *блаую*, яко имя извѣщаетъ,
 ибо *Агафия*, что *блаая*, являетъ.
 Ей благо, *божий даре*, будить ти съ *блаую*,
 за благость обою богъ с нею и с тобою.
 Благо и *благой с даромъ божиимъ* обитати,
 тѣмъ бо честь и славу богъ изволил ей дати.
 Егда ти, *даре божий*, богъ ю сочелъ есть, —
 роду руску царицу *блау* даровалъ есть...

Умел справляться Симеон Полоцкий и с более сложными по построению *carmina sigiosa*.

В мае 1680 г. Симеон написал „Привѣтство“ боярину Михаилу Тимофеевичу * * * — „о поятии супруги втория“ (Р., л. 397 об.—399 об.); завершает композицию следующий „узелъ привѣтственный“:

Богъ смй въ небѣ	Боже благий
Радость тебѣ	Свѣте драгий
Да даруетъ	Да храниши
Честъ и славу	Марфу здраву
Мужу праву	В твою славу
Да готуетъ	Юже зриши
За то, яко	Тя любящу
Всѣмъ благъ всяко	И служащу
Бываеши	Сердцемъ правымъ
Бѣднымъ милость	Умомъ деснымъ
Скорбнымъ радость	Словомъ честнымъ
Творяеши...	Не лукавымъ...

¹ Орел Российский, стр. 69—70.

Секрет этого „узла“ в том, что прочесть его можно и как одно стихотворение и как три: в любом случае стихи не утратят смысла; если прочесть его в целом, получим стихотворение с двойными рифмами — восьмисложное; если — по полустияшам, получим два четырехсложных стихотворения весьма изысканной по тому времени строфической композиции (аасбвс). „Узель“ этот требовал не только большой изобретательности, но и незаурядного версификационного мастерства.

В „Орле Российском“ обращают на себя внимание в этой связи: „акrostих“, начальные буквы которого составляют ц е л о е предложение — „Царю Алексею Михайловичу подай, господи, многа лѣта“ (стр. 71) и, в особенности, два „афиеросиса“; каждый „афиеросис“ — своеобразный графический ребус; разгадка его требует ключа. Вот первый из них (стр. 5):

Надеждо	Ру	си	е привѣтство
Але	кси	е	же въ
	ца	ру	цѣ твои
Сего не	пре	зри	ащѣ рабѣ приносит
малѣй	ша	го	рѣ
	да	ру	цѣ свои
Праведно	солн	це	ркве ко главѣ
ты	лѣ	по	днесшѣ миль
ре	че	ся	дѣя
Кто же от	солн	ца	ру десницѣ
.	ког	да	ткнетѣ
не при	зрѣ	ся	твоея.

„На первой строке читаются только первые пять слогов, — объясняет этот ребус издатель «Орла» Н. А. Смирнов, — на второй — первые четыре слога, на третьей — первые два. Четвертая, пятая и шестая строки читаются в том же порядке, как и первые три строки. Седьмая — первые пять слогов. Восьмая — первые три. Девятая — первые три. Десятая — первые пять. Одиннадцатая — первые два и двенадцатая — первые четыре. Затем надо вернуться к первой строке и читать по порядку с последнего слога каждого уже прочтенного стиха“ (стр. V). Прочитанный при помощи этого ключа данный „афиеросис“ даст следующие стихи:

Надеждо Руси, Алексие цару,
Сего не презри малѣйшаго дару.
Праведно солнце ты лѣпо речеся, —
Кто же от солнца когда не призрѣся!
Сие привѣтство, еже въ руцѣ твои
Зри, ащѣ рабѣ приносит горѣ руцѣ свои,
Церкве ко главѣ поднесшѣ миль ся дѣя,
Цару, десницѣ да ткнетѣ ся твоея.

В поэзии „барокко“ охотно культивировались стихи, составленные на разных языках. Образцы таких „многоязычных“ стихотворений нахо-

дим и у Симеона Полоцкого в „Рифмологионе“. Его приветственные стихи „На именьны боярина Богдана Матвѣвича Хитрого“ (л. 416—416 об.) составлены на славянском языке и польском:

Радости полный днесь день совершаемъ,
Иова свята свѣтло прославляемъ.
Ktorego dał bog tobie za patrona,
Moy dobrodzieciu, on tobie obrona...

Стихи „К тому же на рождество Христово“ (л. 416 об.—417)— на славянском языке, польском и латинском:

День превеселый нынѣ совершаемъ,
Христа рожденна пѣсньми прославляемъ.
Ktoremu niebo posyła anioły
Z wdzięcznemi hymny na fest przewesoły.
Ni nunciarunt Deum in carnatum,
Turba pastorum in Bethlehem natum

Волови со дари ко Христу приидоша,
Миро, кадило, злато принесоша.
Ktorem na drodze gwiazda wodzem byia
Aż do Bethlehem, gdzie Panna powiła.
Pastores autem ut Christum widerunt,
Diwino culta mox adoraverunt...

В „книжницах“ Симеона, наконец, встречаем и так называемые фигурные стихи (*carmina figurata*), т. е. стихи, графическая композиция которых напоминает какую-либо геометрическую фигуру или даже предмет (герб, чашу и пр.). Фигурные стихи были хорошо известны уже античной поэзии; их деятельно культивировали „александрийские“ поэты; большое распространение получили они в панегирической поэзии на Западе в эпоху Ренессанса; восприняли эту изысканную форму и поэты „барокко“. У Симеона Полоцкого фигурные стихи подразделяются на две группы: одни действительно образуют тот или иной предмет, другие просто вписаны в его контурное изображение; к группе первой относятся: сердце — в „Орль Российском“ (стр. 65), звезды — в „Благопривѣтствовании“ царю Алексею по случаю рождения сына Симеона (Р., л. 432); ко второй — изображения креста — в том же „Благопривѣтствовании“ (Р., л. 430 об.) и в „Гусли Доброгласной“ (Р., л. 562 об.).

Carmina curiosa — форма, которой Симеон Полоцкий владел в совершенстве; если они встречаются у него сравнительно редко, то объясняется это, видимо, просто боязнью его чрезмерно в этом направлении „европеизировать“ свою поэзию, и без того вызывавшую кое у кого в Москве скептическое к себе отношение и критику (см. предисловие к „Рифмологиону“).

5

В научной литературе Симеон Полоцкий обычно характеризуется как основоположник русского силлабического стиха. Такая оценка исторического значения Симеона Полоцкого, по существу правильная, нуждается, однако, как видим, в одной существенной поправке: Симеон Полоцкий — не только мастер силлабического стиха, фактический его основоположник в русской поэзии, но и первый по времени русский поэт, творчество которого уже опиралось на определенную систему поэтического стиля.

В свое время Н. Г. Чернышевский, характеризуя историческое значение Пушкина, писал: „Великое дело свое — ввести в русскую литературу поэзию, как прекрасную художественную форму, — Пушкин совершил вполне и, узнав поэзию, как форму, русское общество могло уже идти далее и искать в этой форме содержания. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтов и особенно Гоголь“.¹ Если отвлечься от конкретного содержания этой формулы, оставить в стороне вопрос о соотношении „формы“ и „содержания“ в творчестве Пушкина, — она могла бы послужить наиболее точным и исчерпывающим определением той объективно прогрессивной роли, которую сыграл, при всей ограниченности своего скромного таланта, Симеон Полоцкий. Свое „великое дело“ он выполнил с честью: он сделал то, чего не удалось сделать ни одному из его предшественников, ремесленников „двострочного согласия“, — он первый внес в русскую литературу поэзию, как „художественную форму“, первый ремесло „поэтического рифмотворения“ поднял до уровня искусства. Не ему, правда, суждено было заполнить эту „форму“ общественно-актуальным „содержанием“; скованная литературной традицией поэзия Симеона Полоцкого никогда в сущности не выходила за пределы традиционной проблематики панегирической и дидактической поэзии школьного „барокко“. И, тем не менее, заслуга его перед русской литературой неоспорима; брошенные им семена не погибли, оставленной им в наследство „художественной формой“ воспользовалось подрастающее поколение русских поэтов, под пером которых эта „форма“ уже стала заполняться „содержанием“: от школьного („кнево-могилянского“) „барокко“ Симеона Полоцкого к петербургскому „барокко“ Феофана Прокоповича — именно таков был прямой путь исторического развития русской поэзии на рубеже XVII—XVIII вв.

¹ Н. Г. Чернышевский. Сочинения Пушкина. Избранные сочинения. Эстетика. Критика. Редакция Н. В. Богословского, А. В. Луначарского, И. В. Фролова, ГИХЛ, 1934, стр. 242.

1

Предисловие ко благочестивому читателю¹

Твари, свѣтомъ разума во плоти от бога украшенной, обычай есть: еже аще кому прилучится во вертоградѣхъ богатыхъ быти, и различныхъ цвѣтовъ сладкимъ благовониемъ и сердцевеселящимъ добродичиемъ и краснолѣпымъ цвѣтениемъ увеселитися, и о ползѣ ихъ здравую тѣлесному много и скоро успѣшной извѣщенну быти, то абие всеусердное тѣхъ полагати, да от тѣхъ же обилия нѣчто себѣ получить и въ домашнихъ своихъ оградѣхъ или насѣть сѣмена, или насадить корение во общую пользу и веселие всѣмъ домашнимъ и не успѣвшимъ отстоящихъ посѣщати вертовъ цвѣтоносныхъ. Благопохвалный же той обычай нещуется всѣми и воистинну есть таковъ: ибо егда другъ от друга, ихъ же въ домѣхъ нашихъ лишаемся вещей, угождение, или даiania средствомъ или продаiania образомъ, приемлемъ, союзъ друголюбия и склеверетства сосяжемъ, его же и само по намъ требуетъ естество, понеже человекъ нѣсть звѣрь дивный, но содружный, — отнюду же градове и села вино насаждения прияша, да во содружествѣ жительствоюще взаимъ помощь намъ дѣемъ и купно создаваго ны о всяческихъ его благотворенийхъ славословимъ. И самъ всяческихъ естество вина и господь явѣ истяжущъ быти показуется, занеже не единому человеку, ни единому селу, граду или царству вся нужная отдаля есть, но различными странамъ различныя земли плоды, роды ихъ, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искусства благоволилъ дарствовати, да вси всѣхъ требующе. нуждею ко знаемости и дружеству убѣждаеми, любовь взаимтворимую стяжемъ. Аще же въ чувственныхъ мирскому сожитию полезныхъ сицевъ обычай не токмо гаждения не причастенъ, но ублажения достоинъ, колми паче во духовныхъ вещехъ стяжемый, ими же не что ино перво намѣрствуется, точию слава, честь, хвала, благодарствие, величание, создателя всяческихъ, второ же усмотряется всѣхъ душевная вѣрныхъ полза и спасение, — есть весьма бл[а]жителенъ и подражателен. Тѣмъ же азъ, многогрѣшный рабъ божий, его божественною благодатию сподобивыйся странныхъ идиоматъ пребогатоцвѣтныхъ вертограды видѣти, посѣтити и техъ пресладостными и душеполѣзными цвѣты услаждения душеживителнаго вкусити, тѣхъ положихъ многое и трудъ немалый, да и в домашний ми языкъ славенский, яко во оплотъ или ограждение церкви Россійския, оттуду пресаждение корней и пренесение сѣменъ богодухновенноцвѣтородныхъ содѣю, — не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая, занеже имущему дается.

¹ Предисловие Симеона Полоцкого к „Вертограду многоцветному“; печатается по рукописи Библиотеки Академии Наук СССР 31. 7. 3, лл. 2-4 об.

Потщахся убо дому божию, святѣй церкви восточнѣй, яко едему мысленному, раю духовному, вертограду небесному, присовокупити сей мой вертъ многоцвѣтный во славу, всяческих содѣтеля и во ползу душевную всѣхъ благочестно жити тщащихся, непрелестну имѣя надежду, яко всякъ хотяй душевнаго услаждения и ея здравия желаяй извѣстнаго доволны себѣ обрящеть здѣ цвѣты во ползу. Иже убо удобнѣйшаго ради обрѣтения не яко трава, на поли не хитростию художника искуснаго, но естествомъ изводимая, смѣшенно раждается и не скоро ищущимъ обрѣтаема бываетъ, насадишася, но яко же есть обычай цвѣт-вертникомъ искуснымъ всяческихъ цвѣтовъ и зелий, роды же и виды благочинно по сподом и лехамъ сѣяти и садити, — тако и во моемъ семъ вертѣ многоцвѣтномъ художественнѣ и по благочинию вся устроишася, ибо по алфавитному славенскаго диалекта сочинению. Елико убо обрящещи, благочестивый читателю, писмень здѣ начинателныхъ, именованийъ вещей обрѣтаемыхъ, толико нещуй сподѣ или лѣхъ быти верта сего. А елико вещей измѣнныхъ, толико родовъ на нихъ сѣянныхъ или саженныхъ да разумѣши. Еще колико вещей отъ части измѣняемыхъ узриши, толико видовъ цвѣтовыхъ да имѣши. На послѣдокъ елико статей числа надзнаменанныхъ усмотриши единыя вещи, толико числъ единовидныхъ цвѣтъ да числиши или различие родовъ цвѣтовъ сихъ духовныхъ сице да сочтеши: инъ родъ суть подобия, инъ родъ образы, инъ присловія, инъ толкованія, инъ епитафія, инъ образовъ подписанія, инъ повѣсти, инъ лѣтописная, инъ молитвы, инъ увѣщанія, инъ обличенія. И тако о прочихъ да умствуеши. Вся же сия имуть силу, здравыхъ душъ веселиемъ исполнения, въ здравии утверждение и отъ недуговъ предсоблюдения. Къ тому и украшенія богу любезнаго и челоувѣкомъ. Болезнующихъ же грѣховными недуги душеврачеванія, прилѣжно чтущимъ я и во умѣ си, яко во изящнѣйшей силѣ душевнѣй, часто разсуждающимъ и во сокровище памяти, яко въ хранилище души, во соблюдение дающимъ. Обрящеть здѣ юный укротительная стремленийъ страстей си и угасительная пламеней ярости и похоти, отемляющая нещевание о многолѣтствіи, показующая прелести сего мира и отъ бога удаляющая. Обрящеть старій утверждающая немощь его ко подвигомъ духовнымъ и наставляющая ко памяти краткости вѣка и поминанію близъ сущія смерти и прочихъ послѣднихъ. Обрящеть здѣ благородный и богатый врачевства недугомъ своимъ: гордости смирение, сребролюбію благорасточение, скупости подаяніе, велехвалству смиренномудріе. Обрящеть худородный и нищій своимъ недугомъ цѣлебная: роптанію терпѣніе, татѣ трудолюбіе, зависти тлѣнныхъ презрѣніе. Обрящеть неправду творящійъ врачевное недугу си быліе: правды творение; гнѣвливецъ — кротость и прощенье удобное; лѣнливецъ — бодрость; глупецъ — мудрость; невѣжда — разумъ; усумлящійся въ вѣрѣ — утверждение; отчаянникъ — надежду; ненавистникъ — любовь; продерзивый — страхъ; сквернословецъ — языка обузданіе; блудникъ — чистоту и плоти умерщвление; пьяница — воздержание. И всякими инѣми недуги одержимии обрящуть по своей нуждѣ полезная

былиа и цвѣты. Иже убо не вѣтійскаго художества ухищрениемъ мною насадишася, но пинтическаго рифмотворения равномѣриемъ слоговъ по различнымъ устроишася родомъ. Того ради, да присвойственною себѣ сладостию сердцамъ читателей приятнѣйший суще, аки нуждею влекутъ я ко читанію частѣйшему. И яко в немнозе пространствѣ многая заключающесе удобнѣе памятику содержатися могутъ. И на память изученная вегда провѣщаються, временно благослаждающая суть слухи и сердца слышащихъ. К тымъ и того ради, да рифмотворное писание распространяется въ нашемъ славенстемъ книжномъ языкѣ, — еже во инѣхъ волею честь имать и ублажение и творцевъ си достойнаго не лишаетъ от бога и от человекъ возмездія и славы. Ея же азъ ми не требуя в мирѣ семъ, яко оставлей и со всѣми его красными суетами и суетными красоты; не ишу оныя от человекъ написаниемъ книги сея, но глаголю со царствующимъ пророкомъ: Не намъ, господи, не намъ. но имени твоему даждь славу. Тебѣ, господи, слава, яко даль еси и еже хотѣти, и еже мощи, и еже начати, и еже трудитися се же здраво и благополучно, и еже совершити добровременно по желанію сердца моего. Тебѣ слава о всѣхъ и здѣ и в небеси, и нынѣ и во вся будущія вѣки. Мнѣ же, грѣшному, даждь славу от тебе самага сущую, наипаче въ жизни будущей пред твоими небесными гражданы, ея же не пренебрезати, но искати всѣми силами нашими повелѣваемся гобою, елма пренебрегательіе тоя, искательіе же славы человекскія сиче от тебе суть обличаемы: Како вы можете вѣровати, славы другъ от друга приемлюще, и славы, яже от единого бога, не ищите?¹ Возмездіе же временное потоліку ми желателно, поеліку нужно къ доволному препитанію мене грѣшнаго и труды всегда полагающихъ в моихъ потребахъ.

Но то по превеличѣй милости и премногимъ щедротамъ святопочившаго о господѣ бозѣ святыя и блаженныя памяти благочестивѣйшаго тишайшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя, Россіи самодержца не скудное, но доволное по моему чину и званію чрезъ лѣтъ тринадесятъ имѣя, прерадостно во царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ прежихъ, присно ко господу богу теплыя моя молитвы о немъ, великомъ государѣ, возсылая и труды трудомъ, ово по повелѣнію началствующихъ, ово по моему свойственному благохотѣнію, да не празденъ жизни моя е вотще иждиву время, прилагая. По блаженномъ же его царскаго величества во вѣчная отшествіи присно во моихъ иноческихъ молбахъ молю и до послѣдняго моего издыханія имамъ непремѣнно господа бога молити о еже проститися всякому его согрѣшенію и вселитися души его въ селенія приснаго веселія и жизни безконечныя со духи небесными и душами всѣхъ праведныхъ, от вѣка благоугодившихъ господеві. Его же благочестиваго и приснопамятнаго самодержца выну во памяти отшествіе от мира содержа и въ благодар-

¹ На полях. Іоан. 5. 44.

номъ сердца, аки на твердоу адамантъ, премногая его царская ко мнѣ благотворения написанная читая, не возмогъ бымъ никогда же веселию мѣста во сердцѣ моемъ дати, аще не бы ми печалнаго ума лучесы милости и щедротъ своихъ возбуждалъ ко веселию от его же царскихъ чреслъ равнѣ добротворный намъ свѣтъ возсиявший и солнце и на его же царстемъ престолѣ богомпосажденный сынъ его, а наш великий государь благочестивѣйшій тишайшій самодержавнѣйшій великий государь царь и великий князь Феодоръ Алексеевичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ. Его бо царскимъ благоутробнымъ милосердиемъ и множествомъ щедротъ и оцеподражателною царскою призраи есмь милостию и въ равномъ бывшему хранимъ доволствѣ, ни в чесомъ скудости стражду. И въпред упование въ госпode бозѣ имамъ, яко благая о мнѣ, грѣшном, на его царстемъ сердци положить. Онъ же богомъ вѣнчанный монарха не отвратитъ пресвѣтлаго лица своего от худости моея, но по врожденной милости своей благоволитъ весельма на мя призирати зѣницами и нуждныхъ жителству моему от обилия богомъ себѣ даннаго подаяние доволное творити. И се ми есть возмездие превеликое, нудящее мя ко благодарствию непрестанному и къ молбамъ повседневнымъ, от скипетродержца благочестивѣйшаго. От васъ же, благочестивыхъ читателей, богатое ми будетъ за труды воздаяние, егда ползу от цвѣтъ верта сего приемше, речете о мнѣ ко госпodu молитву о еже оставитися грѣхомъ моимъ. Аще живу ми сушу, аще по преставлении моемъ, то ми едино от вашей любви желателно. Въмъ бо, яко внушаетъ госпody молитвы вѣрныхъ рабъ своихъ и по прошению ихъ милость проявляетъ. И мне убо за ваши святыя молитвы проститъ долги моя и сотворитъ возмездие вѣчное во царствии си небесномъ, его же азъ единаго рачитель есмь и искатель, а вашему благочестию всяческихъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, вѣчныхъ и временныхъ присно истинный желатель.

Благочестию твоему временныхъ и вѣчныхъ
благъ истинный желатель
Симеонъ Полоцкий
иеромонахъ недостойный.

II

Предисловие ко благочестивому читателю¹

Дѣлатель всякий плоды своя любитъ,
хранитъ, яко да всуе не погубитъ;
Да бы ся тѣми напредъ ползовати,
нуждѣ пришедшей ихъ употреблять.

¹ Предисловие Симеона Полоцкого к „Рифмологиону“; печатается по рукописи Московского Государственного исторического музея, Синод. собр., № 287, лл. 5—6 об.

- 5 Домовить бодрый вся нести въ домъ тѣится,
 что-либо земныхъ прижити случится;
 Да в нужды время возможесть имѣти
 имъ же бы скудость скорбну одолѣти.
 Сѣятель класы въ жатву собираетъ,
 10 блюдетъ, да ничто возще погибаеъ;
 Прятаеъ в гумнѣ, потомъ вземлетъ себѣ
 на пици нужду, елико есть требѣ.
 И трудолюбный мравий зѣло тѣится,
 да в лѣто брашно къ зимѣ готовится,
 15 Имъ же ся хладу пришедшу питаеъ.
 Благо есть убо, кто плодъ собираетъ
 Не токмо земный, но паче духовный,
 ибо есть лучший плода вещна словный,
 Трудники слова Павелъ почитаеъ,
 20 честь имъ сугубу дати увѣщаеъ.
 Сию ми ползу дадеся познати,
 по щедрой бога жива благодати,
 Въ юности верстѣ, егда отрекохся
 мира и в ризы черны облекохся.
 25 Тѣмъ же что писахъ, тѣахся то хранити,
 зная, яко впредъ можеъ в ползу быти.
 Быхъ же азъ инокъ, в четвертой седмицы
 лѣтъ моихъ, токмо кромѣ единицы;
 Негли же двѣ ихъ, языкомъ учихся,
 30 даже дидаскаль быти сподобихся.
 Писахъ въ началѣ по языку тому,
 иже свойственный бѣ моему дому.
 Та же увидѣвъ многу ползу быти
 славенскому ся чистому учити;
 35 Взяхъ Грамматику, прилѣжахъ читати,
 бог же удобно даде ми ю знати.
 Къ тому странная сущи ей подобна,
 в знания ползу бѣше ми удобна.
 Тако славенскимъ рѣчемъ приложихся,
 40 елико даль богъ знати научихся;
 Сочинение возмогохъ познати
 и образная въ славенскомъ держати.
 Писахъ книжная, яко же вѣтии
 пишутъ и яко от вѣтий вящшии.
 45 Яже возможно будетъ созерцати,
 елма богъ дасть я миру показати.
 Днесъ не являю ради завидящихъ,
 ихъ же не знаютъ пред людми хулящихъ;
 Иже в то время не будутъ хулити

- 50 егда ми дасть богъ миръ духомъ лишити.
 Тогда бо ревность и зависть престанеть,
 а кождо суду божию предстанеть
 За рвение си должну мзду прияти.
 Но ты даждь, боже, здѣ всѣмъ ся каяти,
 55 Да о зависти сей никто судится,
 но всякъ во любви сушь тебѣ явится.
 Писахъ и рифмы многи, той я знаеть,
 кто „Многоцвѣтный Вертоградъ“ читаеть,
 Мною сложенный, и псалмы святыя,
 60 яже сведохъ вся в метры славенския.
 Особно сия книга есть списанна,
 не во едино лѣто начертанна;
 Въ различныхъ лѣтѣхъ многи нужды быша,
 яже ми сия писати бѣдиша;
 65 Яже въ старости могутъ в ползу быти,
 егда не лѣтъ ми будетъ ся трудити.
 От трудъ готовыхъ мощно будетъ взяти,
 аще ми дасть богъ старости дождати.
 Днесъ бо точию лѣто совершаю,
 70 еже писменемъ нашъ право считаю.
 Нуждѣ же тѣхъ вещи хоцещи ли знати,
 оглавление изволи читати;
 Въ немъ ти всякая нужда изъявится
 и листъ, на немъ же лежить, объяснится.
 75 Да дасть же господь здраву ти читати,
 яже потщахся здѣ азъ написати
 И юнымъ твоимъ въ науку даяти,
 да возумѣють чинно глаголати
 Въ славу божию, такожь святыхъ его,
 80 въ научение возраста своего.
 Ползу ти сими прияти желаю,
 а любовь твою тошно умоляю:
 Да аще нѣчто погрѣшно узриши,
 то ми прости возблаговолиши,
 85 Вѣдая, яко не от злобы тое
 погрѣшение, здѣ есть внесенное.
 Но или яко не успѣхъ познати
 или в памяти не могохъ держати.
 Ина писатель преступно писаше,
 90 ихъ же не узрѣ бренно око наше.
 Церкви согласно вся тщахся писати,
 противныхъ во умъ не мыслихъ пуцати.
 Тѣбѣ аще что противно явится,
 любовь не скоро судити да тщится:

95 Мощно и тебѣ есть нѣкихъ не знати,
изволи ума словесъ поискати.
Аще же весма что не согласится,
молю, тобою то да исправится:
За любовь господь сие вмѣнить тебѣ,
100 юже на земли возмездить и въ небѣ.
Чесого вѣрно азъ тебѣ желаю,
святымъ молитвамъ твоимъ ся вручаю, —
Помоли о мнѣ всещедраго бога,
да мя не лишитъ небесна чертога,
105 Дасть же съ ангелы вѣчно в немъ ми жити,
гдѣ богъ и тебѣ да дасть выну быти.

Благочестію твоему всякихъ благъ земныхъ и
небесныхъ вседушный желатель
Симеонъ Полоцкий
иеромонахъ недостойный

Иже

1110.1131

Странный зрѣвъ звѣзды и превѣрныи пиценыи
 свѣтлыя лучы на мѣрѣ разширѣнныи .
 Нолозъ нѣчто извѣстныи кажутъ
 даде бгѣ что сѣя звѣзды подвѣщаетъ .
Внѣкъ **С**имеонъ Краеграи стидетъ
 Емѣ да нбо . пствѣ бгѣ прилѣтѣтаде .

Странный зрѣвъ звѣзды и превѣрныи пиценыи
 свѣтлыя лучы на мѣрѣ разширѣнныи .
 Нолозъ нѣчто извѣстныи кажутъ
 даде бгѣ что сѣя звѣзды подвѣщаетъ .
Внѣкъ **С**имеонъ Краеграи стидетъ
 Емѣ да нбо . пствѣ бгѣ прилѣтѣтаде .

Странный зрѣвъ звѣзды и превѣрныи пиценыи
 свѣтлыя лучы на мѣрѣ разширѣнныи .
 Нолозъ нѣчто извѣстныи кажутъ
 даде бгѣ что сѣя звѣзды подвѣщаетъ .
Внѣкъ **С**имеонъ Краеграи стидетъ
 Емѣ да нбо . пствѣ бгѣ прилѣтѣтаде .

Странный зрѣвъ звѣзды и превѣрныи пиценыи
 свѣтлыя лучы на мѣрѣ разширѣнныи .
 Нолозъ нѣчто извѣстныи кажутъ
 даде бгѣ что сѣя звѣзды подвѣщаетъ .
Внѣкъ **С**имеонъ Краеграи стидетъ
 Емѣ да нбо . пствѣ бгѣ прилѣтѣтаде .

ЖЕЛІНІЕ СТИХОТВОРЦА

А	Т	Ѣ	Л	А	Л	Ѣ	Т	А
Т	Блговѣстникѣишемѣ Тишайшемѣ самодежа кнѣишемѣ великоѣ Гдрю црю и великимѣ кнзю Ала зю Михайловичю всея вели кія имперіа и ефіма ршскіи самодежцѣ			Г	Блгороднымѣ Гдремѣ ншимѣ цркнцемѣ и великимѣ кнземѣ Алазю . Алазарѣ Сумешнѣ Іоаннѣ Алазѣткнцемѣ .			Т
Ѣ	Л	А	Л	А	Л	Ѣ	Т	А
Л	Г	О	Н	М	Н	О	Г	А
Л	Блгородныѣ цркнѣ и великимѣ кнзкнѣ Нринѣ . Аннѣ . Пат іанѣ . Михайловнѣ . Евдо кіи . Млгоѣ . Софін . Сіла ринѣ . Марін . Гдгодісіи . А лазѣткнцѣ			Н	Прощенныѣ Алазарѣ ферѣшнѣ . Икнѣ прѣтѣ црсконѣ . Іанѣ . Бо лларѣмѣ : вѣ Хрѣтоуки ко воннѣтѣмѣ . Икнѣ прѣкраснѣмѣ Хрѣтоуки			Л
Ѣ	Т	А	Л	А	Л	Ѣ	Т	А
А	Т	Ѣ	Л	А	Л	Ѣ	Т	А

579

ПѢСНЬ ДОБРОТА

ВОСКЛИЦАЮЩАЯ

Желанія вѣхъ Саншвъ и чиншвъ Россійски
и

Благопривѣтствія Новопрившема
Благоутвѣшшемъ Тишаншемъ Посвѣтаѣшшемъ
Великомъ Царю Царю, и Великомъ Кнзю **А**леодшъ
Алѣксѣевичъ, Вса Великѣя Ималѣя, Ивѣсѣя Россіи

Самодржцѣ .

Въднь велика ірца егш ,

вонте .

Венчлѣи Гдѣ млчю и щедотами,
Возложи на сѣвѣ егш вѣнцѣ шкѣмне чести
вещеннѣма рѣкѣма стѣншагш и вѣблѣннѣ-
шагш Великагш Царя Кнзѣ **И**сѣакѣя Патрѣа
Московскагш и Вса Россіи .

Трудолѣбіемъ Многогрѣшнагш Геромонага Сумѣна
Полоцкагш мысленнш Сосорженнаа, оуцрѣдемъ
оустрѣеннаа . Брѣцлѣомъ пера бѣннѣа, рачи-
тѣлства дсннѣю, и смренѣа шѣннѣю, смѣте вѣ-
ликомъ Царю вбрѣннѣа

въ лѣто .

Ѡ началѣ мѣра **З**рѣе . Мѣра **И**внѣа, въ тѣ днь .
Ѡ рождѣствѣе . **Х**рѣтова . **А**хос .

а